

В. М. Куклин

О ДОВЕРИИ

Синергия, возникающая в результате доверительных отношений, умножает силы и возможности, дает шанс человеческой цивилизации уцелеть в многочисленных катаклизмах. В условиях информационной революции социальная роль доверия еще более возрастает, ибо рост контактов, столкновений мнений и представлений людей с разной ментальностью создает множество проблем — детских болезней взрослеющего человечества. И здесь только доверие способно помочь всем таким разным людям планеты превратиться в единую общность — планетарную цивилизацию.

Гигантской по численности человеческой популяции природа, чем смогла, помогла: наделила способностью прогнозировать ближайшее будущее, снизила пороги чувствительности для большей приспособляемости друг к другу, дала возможность всем расам иметь смешанное потомство, позволила эксплуатировать все планетарные ресурсы и предоставила многое другое, но самый большой дар обществу — это дар доверия. Ибо только доверие позволяет людям в своем кругу рассчитывать на комфортную жизнь. Доверие одного человека к другому, доверие к своим друзьям и соседям, доверие к своему этносу, общине, народу и цивилизации в целом. Ниже остановимся на социальных аспектах доверия.

ДОВЕРИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Социальные институты доверия.

Политические системы многих стран используют процедуры выборов для формирования систем государственного и местного управления. Этот социальный институт доверия позволяет в конечном итоге, после некоторого периода проб и ошибок, с определенными издержками сформировать правящую элиту. В условиях выборности управленческих кадров потерявшие доверие политики, даже опираясь на оправдывающие

их судебные решения, вряд ли смогут рассчитывать на восстановление своего статуса. Если же недоверие электората возникло в промежутке между выборами, многие политические системы позволяют провести внесудебные процедуры сбора подписей избирателей для отзыва выбранного прежде лица. А в ряде случаев, опасаясь потерять доверие электората, политические партии сами порой вынуждены под разными предлогами выводить из публичной политики запятнавших себя деятелей. То есть, несмотря на законы и прави-

---

На доверии построены семьи и иные формы совместного существования. Доверительные отношения создают устойчивый круг общения и ослабляют в этом кругу житейские напряжения и тревоги

ла, институт доверия позволяет обществу избавиться от неугодных политиков.

Искушенные политические партии и движения всегда отзывают одиозных фигур, с которыми общественное мнение ассоциирует неудачи, и даже избавляются от них. Да и сами виновники скан-

О СОВРЕМЕННОСТИ

дала иной раз поспешно покидают свои посты и отказываются от должностей. И это иногда может оказаться проявлением гуманности, ибо в одном случае они и их семьи могут оказаться жертвами народных масс, которые настоятельно потребуют сатисфакции, а в другом – их соратники, опасаясь излишней разговорчивости попавших под подозрение особ, могут помочь им избежать суда радикальными способами.

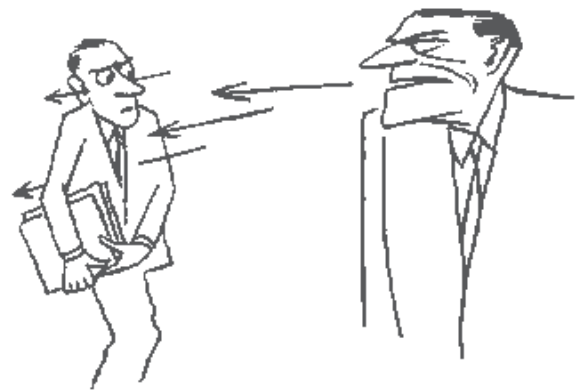
ния на должности. Кроме того, есть возможность лишать людей должностей вплоть до увольнения на основе высказанного большинством недоверия, для чего разработаны соответствующие процедуры. Причем речь не идет о представлении и рассмотрении доказательств нарушений, здесь решения принимаются на основе возникшего в коллективе устойчивого недоверия к определенному управленцу.

В частной жизни институт доверия, конечно, не сводится к нотариальному оформлению доверенностей и гарантий. Некоторые проблемы возникают при рассмотрении судами расписок, скрепленных подписями частных лиц, но существующий институт экспер-

Интересными механизмами института доверия в обществе являются различные политические санкции относительно людей и организаций, верить которым общество не желает. Наиболее известны процедуры люстрации¹, которые, отказывая в доверии людям и партиям, не позволяют им занимать определенные управленческие позиции². При этом решения о люстрации людей и организаций оформляются уже законодательно, и оспаривать их более чем затруднительно, по крайней мере, в правовой среде данного общества.

Однако история неоднократно демонстрирует, что часто после революций наступала контрреволюция, после, на первый взгляд, сокрушительных побед одной политической силы другая, проигравшая, неожиданно быстро восстанавливала свое влияние. Жестокость по отношению к побежденным обыкновенно возникала там, где не было доверия к тому, что они смирились с поражением. Видимо, поэтому ранее, в прошлые века, победители весьма свирепо расправлялись с побежденными, опасаясь реванша. Нынче доминирующий в умах современников гуманизм больше ориентирован на стремление не создавать прецедентов жестокости. Люди понимают, что сами могут оказаться в положении проигравших или побежденных, и потому так часто можно наблюдать «пиршества победы». Наверное, рационально в своем отношении к проигравшим ориентироваться все же на Закон³ в большей степени, чем на приведенные выше соображения.

В хозяйственной деятельности механизмы доверия представлены в уставах предприятий и организаций, где предусмотрены выборы и коллегиальные утвержде-

твизы способен выявить подделки, а добросовестное следствие без труда обнаружит применение насилия при подписании подобных обязательств. На доверии построены семьи и иные формы совместного существования. Доверительные отношения создают устойчивый круг общения и ослабляют в этом кругу житейские напряжения и тревоги. Все формы доверия, как и недоверия, в нашей частной жизни столь многогранны, что их анализ наверняка покажется читателю утомительным.

Доверие в государственном строительстве. Поддержка политиков, политических партий, общественных деятелей и организаций широкими массами населения основана на представлениях «свой – чужой». Каждый политический и общественный деятель вынужден непрерывно проходить через фильтр социального обсуждения, доказывать, что он «свой» в своих высказываниях и действиях⁴. «Свой» должны относиться к людям и событиям определенным образом, значительные отклонения в формулировках

¹ Стоит обратить внимание на тот факт, что эта процедура выводит из-под судебной ответственности запятнавших себя негодными действиями людей, фактически амнистируя их, но взамен ограничивает их в правах.

² Интуитивно людям ясно, что любой алчный человек – потенциальный коррупционер, вопрос в том, как это разглядеть. В Университете Кастельон-де-ла-Плана показали, что исследуемым труднее отказаться от взятки, то есть действовать против немедленной выгоды, чем пойти на сделку со своей совестью. Полиграф обнаружил у них аномальный стресс при отказе от взятки (Корреспондент.net, 11.03.2015).

³ То есть ничего личного. Но это лишь в условиях стабильности законодательных норм. А если даже забудут, вполне может быть, что о «заслугах» истинных преступников вспомнят центры Симона Визенталя или иные подобные организации.

⁴ Вообще говоря, в каждой общине подобную процедуру проверки проходит каждый публичный человек или даже просто человек на публике. Он должен время от времени участвовать в тестировании на общественном детекторе, и лишь на некоторое время ему выдается обществом индульгенция – отпущение за непатриотические высказывания, за пренебрежение к общинным ценностям. Но настороженность общества к нарушителям принятых правил поведения и общения висит над каждым, как дамоклов меч.

и определениях часто воспринимаются как неискренность и даже предательство, что создает проблемы для политиков и управленцев, которые вынуждены тщательно взвешивать свои заявления. Они иной раз вынуждены скрывать те свои соображения и намерения, которые входят в противоречия с доминирующими в среде общины представлениями.

Поскольку в процессе принятия решений приходится обсуждать множество вариантов и подходов, есть большая вероятность, что некоторые высказывания в дискуссии могут вызвать негативную реакцию не вникающих в контекст слушателей. Если участники дискуссии достаточно искушенные и осведомленные люди, осознающие условности процесса обсуждения, то здесь большой беды нет. Люди, которых не так поняли или которые сделали неосторожные заявления в полемическом пылу, в состоянии пояснить свои позиции или отказаться от предложений, осознав их неприемлемость. Но выносить на широкую публику подобные обсуждения опасно, можно потерять доверие слушателей

и зрителей, которые не имели возможности выслушать подробную аргументацию или попросту оказались неспособны понять логику дискуссии⁵.

Но, даже выявив проблемы, разобравшись в механизмах и движущих силах процессов и явлений, найдя решения, нужно потратить еще немалые усилия, чтобы корректно их сформулировать и представить их на суд общественности, не вызывая социального раздражения.

Это сродни тем сложностям общения с аудиторией, с которыми сталкиваются писатели. Даже их благодарные читатели вряд ли станут терпеть нравоучения. Не станут также они тщательно вникать в детали, а, напротив, будут нетерпеливо ожидать подсказок. Им подавай привлекательных

персонажей, закрученные и неожиданные сюжеты. Язык произведения должен не раздражать утонченный вкус и остаться понятным для основной массы читателей. Писателям приходится прятать свои самые изысканные ощущения, блестящие догадки и тонкие замечания в обычных сюжетных линиях, вкладывать в привычную речь героев своих произведений собственные озарения и интеллектуальные находки. И если к этому добавить немного везения и таланта, возможно, тогда их произведения будут не раз перечитывать, растаскивать тексты на афоризмы. И такой успешный литератор окажется для читателей авторитетом, ему станут доверять, и его мнение будет определяющим при выборе почитателями ответственных решений своих жизненных задач.

Однако эти проблемы временные и вполне решаемые. Люди во власти должны обладать необходимыми коммуникационными качествами, они обязаны уметь находить общий язык с любыми оппонентами, быть способными привлекать для решения общественных задач нужных персон и выискивать необходимые ресурсы, быть высокоморальными и обладать культурой, которая отвечает высоким стандартам. Особо строго следует относиться к любым нарушениям Закона, какой бы целесообразностью эти нарушения не оправдывали. Иных к власти лучше не подпускать.

Юристы часто сталкиваются с необходимостью рассматривать многочисленные конфликты, связанные со спорами о разделе имущества, нарушении прав владения, иных декларируемых Конституцией прав, что поглощает энергию людей и их время. Там, где такие права постоянно нарушаются людьми, организациями и государством, велико взаимное недоверие. В государствах авторитарных и тех, которые еще не избавились от старых авторитарных привычек, власти на всех уровнях искренне уверены в принятии решений на основе сиюминутной целесообразности. Население также склонно соглашаться с таким подходом, даже если это не вполне соответствует законам и регламентациям. А там, где нарушается закон, со стороны чиновников возникает искушение воспользоваться этим подходом, ссылаясь на целесообразность как повод для вымогательства, а у просителей формируется убеждение, что проблему можно решить за счет подношений. Это и есть основа коррупции. Ясно, что в запущенном состоянии коррупция расцветает

⁵ Связанные политическими платформами стороны дискуссии под пристальным вниманием заинтересованной аудитории будут вынуждены не отступать от своих прежних деклараций, и весь их спор станет напоминать «разговор глухих». Это не раз демонстрировали озадаченным зрителям политические ток-шоу.

О современности

ет махровым цветом. А подавить ее можно только одним способом – неукоснительно соблюдать Закон, отказавшись от всех возможных причин и поводов его нарушить. Ибо, подчиняясь принципу целесообразности и выигрывая в отдельных случаях, общество загоняет себя в ловушку коррупции. Однако важно, чтобы Закон был достаточно выверен, учитывал международный опыт и местные условия, даже

на заре своей карьеры в бизнесе спросил у своего родственника, который был в то время федеральным судьей, каково его мнение относительно качества одного из первых своих договоров. Судья отодвинул договор в сторону и задал неожиданный вопрос моему собеседнику, доверяет ли он своим партнерам. Получив утвердительный ответ, пробурчал нечто вроде того, что тогда в сущность договора нечего и вникать.

Формализация процедур, конечно, важна, но внутренняя сущность экономической и политической деятельности основывается на морали и традициях, невозможна без доверия к исполнителям, продуктам их деятельности и к брендам. Понятно, что, несмотря на доверие к партнерам и коллегам, не стоит пренебрегать замеченными, пусть даже случайно, редкими нотками неискренности и обмана в партитуре благополучия. Но еще большая ошибка отказывать полностью в доверии людям, история взаимоотношений с которыми была прежде достаточно безупречна.

С другой стороны, для пояснения своих весьма агрессивных действий в конфликтах часто используют нужные статьи закона и отдельные нормы права. Однако общественность иной раз склонна видеть при этом определенные нарушения моральных принципов и сложившихся прежде норм ведения бизнеса, а также политики. Ибо люди часто считают, что формальное применение норм и законов не предосудительно пострадавшей стороне, но от агрессивной стороны конфликта, кроме необходимого выполнения законодательства, ожидают выполнения в том числе моральных требований. В противном случае общественное мнение может усмотреть в поведении наступающей стороны определенные черты цинизма, так как, кроме буквы закона, в справедливом решении должен присутствовать и дух закона.

Для создания атмосферы доверия не только полезно определить личное эмоциональное отношение к своим партнерам и к претендентам на руководящие позиции, но еще более важным представляется детальный анализ их предыдущей деятельности с позиций уровня доверия к ним со стороны их окружения

текущий момент. Недопустимо использовать изменения в законодательстве для создания коррупционных лазеек. Потому следует, принимая законодательные решения, непременно согласовывать их в международном экспертном сообществе.

О формальной и неформальной сторонах договоров. В постсоциалистических странах, вступивших на путь реформирования своего хозяйства, часто придавалось большое значение формам экономических и общественных отношений, необоснованно полагалось, что сущность этих соотношений при наличии нужных форм будет выполнена автоматически.

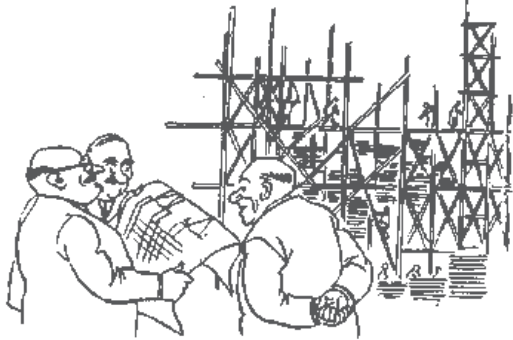
Как-то обсуждая с одним американским профессором эккаунтинга качество договоров в его стране, посетовал на то, что, дескать, мы пока еще не научились учитывать все возможные варианты развития событий. Он в ответ рассказал, что

Доверие как основа формирования профессиональных сообществ. Навязчивая реклама и устоявшиеся представления и вкусы потребителей оказывают отдельным брендам явное предпочтение, обеспечивающее их владельцам и управляющим неплохие дивиденды. Но для длительной истории успеха нужны

механизмы его организации. В развитых общинах каждый вид деятельности контролируют самоуправляющиеся общественные организации, требующие от своих членов разумного и предсказуемого поведения и качественной продукции. Именно доминирующие настроения критической массы членов каждой профессиональной группы заставляют придерживаться этой политики и обещают всем им долговременный успех.

Для формирования высокопрофессионального сообщества полезно осознание его членами необходимости поддерживать определенный уровень квалифи-

кации, чтобы обеспечить спрос на свою продукцию (товары, услуги, разработки и решения). Каждый член этого сообщества нуждается в подтверждении окружением своей квалификации. Именно такая подтвержденная документально⁶ квалификация и обеспечивает необходимый спрос на услуги ее обладателя у широкой общественности. Немалое значение имеет и мнение об уровне квалификации и ответственности за свои деяния у коллег по цеху⁷.

Интересна история, услышанная в одном южном приморском городе бывшего Советского Союза, куда были посланы немецкие специалисты сразу после Второй мировой войны. Понятно, что работали они спустя рукава, саботируя распоряжения руководства научного учреждения. Попытки заставить их работать напряженно и эффективно успеха не приносили, пока за дело не взялся будущий директор открытого позднее Института космических исследований. Он пообещал опубликовать их некоторые отчеты в открытой печати. Боязнь потери своей репутации, прежде признанной в среде мировой научной общественности, заставила этих пленников работать более эффективно⁸.

Для создания атмосферы доверия не только полезно определить личное эмоциональное отношение к своим

партнерам и к претендентам на руководящие позиции, но еще более важным представляется детальный анализ их предыдущей деятельности с позиций уровня доверия к ним со стороны их окружения. Коллективы, построенные на доверии, объединенные одним уровнем квалификации и культуры, куда эффективнее иных, не обладающих этими качествами. Верно отметил А. Пасхавер, что в обществе, где есть доверие, все обходится дешевле. Потому что недоверие вызывает целый ряд инструментов, которые стоят дорого.

ДОВЕРИЕ И РЕФОРМЫ

О доверии к элитам. Для нормального существования социальных и экономических (которые также можно считать социальными) структур необходим достаточно высокий уровень доверия к системе управления. Однако в последнее время в условиях информационной революции осведомленность людей возрастает, и все огрехи и нарушения людей во власти быстрее, чем в прежние времена, становятся известными. Осложняет ситуацию упомянутое выше неосторожное использование представителями современных элит компрометирующей конкурентов информации и тем более сознательный вброс дезинформации в целях получения преимуществ в азарте политической борьбы и экономической конкуренции⁹.

Критерием увеличения недоверия к элитам может быть рост пассивности электората, снижение политической активности в стране, неопределенность и неадекватность социальных опросов. Ибо потеря доверия к элитам превращает остальное общество в замкнутую систему с отсутствием видимых внешних реакций, внутри которой, скорее всего, зреет революционное состояние.

Не добавляет доверия к внутренней политике правящей элиты и тот факт, что, несмотря на декларируемый рост ВВП, доля в национальном продукте доходов основной массы населения в целом падает. Сокращается число очень богатых семей вместе с ростом их богатства, и увеличивается разница между их доходами и средним по стране семейным достатком. Люди особенно остро ощущают экономические трудности в значительно большей степени, чем ущемления политических свобод, что и является основной причиной социально-экономических кризисов и потрясений.

Доставшаяся в наследство, по крайней мере, большинству развивающихся и постсоветских стран система подавления политических свобод пока

⁶ Потому во многих успешных странах придают особое значение тестам и экзаменам на получение квалификации. Именно требования и поведение экзаменаторов коррелирует с общим уровнем квалификации основных специалистов.

⁷ Стоит напомнить, что как-то на представительном собрании ученых один пожилой профессор вызвал неоднозначную реакцию публики высказыванием о том, что, «несмотря на наши звания и заслуги, все мы прекрасно знаем, чего каждый из нас стоит».

⁸ Некоторые даже удостоились Сталинской премии, других награждали орденами и медалями, видимо, искренне считая, что это их должно было вдохновлять.

⁹ Компрометируя своих конкурентов в составе элиты, ее представители, часто сами того не осознавая, снижают и свою политическую и экономическую ценность. Ведь для масс потеря уважения к части элиты вызывает сомнения в достоинствах ее другой части. Потому в развитых демократиях острота политической борьбы переносится в верхние эшелоны власти.

сохраняет неумеренную пассивность населения, являющуюся следствием унижения их человеческого достоинства. Унижения не только исторически сложившейся практикой общественной жизни, но и воспитанием в среде людей, покорных и зависимых от властей. Услужливость и желание угодить вышестоящему в иерархии превращается почти в религиозный экстаз, ибо основано на безграничной вере в его неограниченные возможности¹⁰, что порождает необоснованные надежды. При этом у внешнего наблюдателя может возникнуть впечатление, что народ доверяет своей власти и готов ее безоговорочно поддерживать¹¹. В утешение обеспокоенных сложившейся ситуацией людей можно заметить, что информационная революция, позволяющая человеку быть услышанным, способствует поднятию самооценки уже не только у молодого поколе-

и влиятельным. Средний класс, более свободный и независимый, способен уже не только участвовать в протестных движениях, но организационно и финансово обеспечивать информационную и избирательную кампании, привлекать к участию в массовых акциях значительные слои населения.

Показательно, что революционное движение в Африке возникло в сравнительно небогатых странах, последний (как, впрочем, и предыдущий) украинский Майдан повторили представители среднего класса, во многих странах подняли голову националисты, которые, кроме естественных требований к правящим элитам, выдвигают требования ограничить иммиграцию¹³.

Подогревают это недоверие и представления, распространившиеся среди экономической и политической мировой элиты, об отказе следовать прежним тенденциям в структуре отношений и веде-

ния, стимулирует к самостоятельному выбору своего жизненного пути и сохранению уважения к себе.

В современном обществе осознание социальной несправедливости в распределении общественного богатства является одной из причин возникновения протестов с участием преимущественно представителей среднего класса, то есть достаточно обеспеченных и образованных слоев населения. Снижение уровня жизни среднего класса¹² в значительно большей степени, чем иные факторы, воздействует на уровень доверия к элитам. Роль среднего класса на современном этапе развития цивилизации возрастает, так как этот социальный слой становится все более основательным

бизнеса. Причем этот отказ часто включает в себя и моральные, и этические аспекты. Логика апологетов таких идеологий состоит в том, что главным является прогресс и инновации, потому необходимо ориентироваться на создание монопольных видов деятельности, защищенных де-юре патентами и де-факто трудно копируемых высокими технологиями. Более того, по просвещенному мнению успешных предпринимателей¹⁴, именно развитие монопольных видов деятельности приносит успех не только их владельцам и менеджерам, но даже в большей степени обществу в целом, а рыночные принципы при этом признаются отжившими и вредными для современного

¹⁰ Но стоит подорвать эту веру – и объект поклонения низвергается обманутыми в своих надеждах людьми.

¹¹ Поразительно, что подобное впечатление возникает и у самой этой власти, обыкновенно не чувствующей свое шаткое положение. Ибо сатисфакция одуряченного прежним авторитарным режимом населения непременно состоится, когда на смену одному правящему клану придет иной клан, который в целях сохранения своей власти из-за опасности возможного реванша со стороны не признающих цивилизованных правил поведения предшественников просто вынужден применять по отношению к ним репрессии.

¹² См.: Income and Poverty in the United States: 2013. U. S. Census Bureau (<http://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2014/demo/p60-249.pdf>).

¹³ Ведь именно иммиграция в большей степени нарушает уклад их жизни, заставляя отстраняться от пришельцев с их привнесенной культурой (или ее отсутствием).

¹⁴ См.: P. Thiel «Zero to One: Notes on Startups, or How to Build the Future».

развития. Искушенные читатели могут заподозрить, что нападки на рыночные отношения нужны лишь для согласия общества с практикой бесконтрольного обогащения владельцев высокотехнологических предприятий-монополистов. Несомненно, обладатели патентов и организаторы производств на их основе должны получить компенсацию за свои усилия и риски¹⁵, но в разумных пределах, ибо в конечном итоге за все платит потребитель, кошелек которого не бездонный. С другой стороны, именно рынок позволяет выровнять цены, а значит и доходы, не создавая значительного расслоения общества по достатку¹⁶, чреватого уже и политической нестабильностью.

Практически все сепаратистские настроения населения провинциальных регионов обусловлены недоверием к руководству страны в центре. Не владея полной информацией, которая только и обеспечивает доверие, люди убеждены, что распределение национального дохода происходит без их ведома и явно несправедливо.

Опасения элит. Лидер, находящийся на более высокой ступени иерархии, должен представить для своих подчиненных или подданных систему корпоративных правил, причем или сформулированных явно, или внушенных практикой отношений. Иначе к его действиям будут относиться с недоверием, что может стать предусловием его карьерного падения в результате различных заговоров сначала в форме саботажа его указаний, а затем более активных консолидированных противодействий представителей элиты¹⁷.

Другой проблемой является отношение элит к своему народу. Элита, особенно ее часть, добившаяся власти, всегда с осторожностью относится ко всем воз-

никающим в низших социальных слоях массовым рефлексиям. Понятно, что существуют опасения пострадать в результате реакции масс¹⁸ на неудачные поли-

тические и экономические решения. Потому в демократических странах так поспешно находят виновных и демонстративно лишают их должностей, оттого там вдруг внезапно возникают проекты социальной поддержки тех слоев населения, которые излишне активно выражают свое недовольство. Да и смена политических

партий у власти тоже необходимый маневр для ухода от ответственности: дескать, посидим в тени, покритуем власть, пусть о наших прегрешениях позабудут. Действительно, основными показателями успешности государственного управления является не только экономический рост (необходимый в условиях увеличения численности населения и желательный для возникновения у людей ощущения, что их благосостояние укрепляется), но и социальный мир.

Хотя в авторитарных странах ситуация иная. В условиях несменяемости власти, как удачно замечено И. Прохоровой, существует извечный страх авторитарной структуры перед инициативами. И потому все, даже малейшие отклонения от линии поведения, начертанной властью, воспринимаются как угроза. Особенностью внутренней политики является желание запрещать и ограничивать как форма недоверия к собственному народу. Убеждать и уговаривать считается проявлением слабости, способной привести к потере власти. Причем этот страх перед нежелательными с позиции власти рефлексиями собственного народа порождает возникновение лавины «эксцессов исполнителей», когда представители низовых управленческих структур излишне ретиво выполняют, как им кажет-

¹⁵ Хотя основной вклад в создание высоких технологий и получение патентов вносят разработчики, труд которых совершенно недостаточно оценен, а риски современные менеджеры-предприниматели научились перекладывать на необоснованно им доверяющих малоквалифицированных инвесторов.

¹⁶ То есть даже воспринимаемые публикой, как правило, негативно, спекулянты-арбитражеры в условиях рынка оказываются полезны, поскольку их деятельность выравнивает цены и подавляет монополизм.

¹⁷ Многие из неведомых руководителей, обыкновенно парвеню, видимо, не умея рационально мотивировать людей, используют различные предлоги для демонстрации взрыва своего негодования, переводя (пусть и временно) отношения в режим конфликта. Целью такого поведения является намерение испугать подчиненного и в таком состоянии заставить его пойти на уступки. Эта форма управления принята в авторитарных властных структурах и активно практикуется в преступном мире. Понятно, что такое поведение вовсе не формирует климат доверия и способно породить раздражение, переходящее в неприятие. А там уже недалеко до агрессии.

¹⁸ Не только той реакции, которой могут воспользоваться политические оппоненты, но и той, которая может привести к «бессмысленному и беспощадному» бунту.

ся, верно угаданные намерения высшей власти. Именно эта ретивость ускоряет возникновение взрывов народного недовольства.

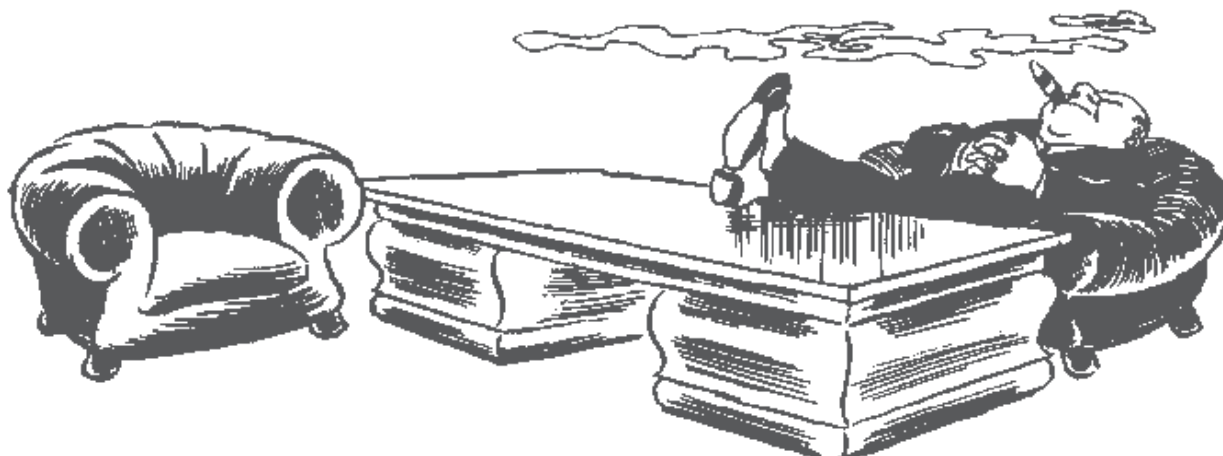

самосогласованная во множестве аспектов система социальной жизни общества. Невозможно поменять часть этой системы, не встретив сопротивления, которое по мере включения нововведений будет возрастать²⁰.

Недоверие элит даже к своим почтителям может принимать необычные формы. Например, люди, формирующие свои убеждения самостоятельно, без подсказки, вызывают опасения, и они могут под влиянием дополнительной информации эти убеждения поменять, не спрашивая у элит разрешения¹⁹. И, как верно заметила К. Орлова, тогда берут тех, кто будет врать по бумажке

Вся система образования и средства массовой информации в стране обязаны формировать в общественном сознании мосты доверия между всеми слоями населения и элитой. Иных образовательных структур и организаций массовой информации, отказывающихся людям и социальным институтам в доверии, просто не должно быть вообще.

Экономика в каждой стране приспособляется к ее политическому устройству, как, впрочем, и политика подвержена влиянию экономики. Но нужно понимать, что только власть обладает реальной силой. Потому отношения политики и экономики не равноценны. Примат силы заставляет деятельное население принимать те правила экономической жизни, которые угодны властям. И чем более авторитарна власть, тем меньше она обращает внимание на недовольство хозяйственников. Пассивная часть населения, напротив, склонна поддерживать власть, рассчитывая на льготы и преференции, которые в конечном итоге получены из вывернутых карманов частного бизнеса, поскольку государственные предприятия откровенно норовят паразитировать на бюджете.

Доверие к реформам. Часто полагают, что хороши те реформы, которые поддерживаются большинством. Это, дескать, идеальный вариант. Хотя не раз мир убеждался в том, что идея повысить моральные стандарты общества в исторически короткое время порочна.

Часто для перехода в иное социально-экономическое состояние весь уклад жизни, принятые правила поведения, мораль и законодательство требуют основательного реформирования, так как состояние экономики и политики в каждом случае — это устоявшаяся,

Любая власть, и в первую очередь авторитарная, контролируя механизмы перераспределения национального богатства, частенько не может удержаться от искушения взять свою долю²¹. При этом своим примером и нежеланием нарушать благоденствие своей опоры — чиновников — вольно или невольно поддерживает в стране некоторый уровень коррупции. Отказаться от такой практики элитам непросто.

Можно заставить общество принять программу изменений, рассчитывая удержать длительное время

¹⁹ По мнению О. Кашина, системе не нужны убежденные сторонники, потому что она считает таких людей, даже согласных с ней, группой риска.

²⁰ Хотя практика подчас опровергает подобные утверждения. В книге «Разбуженный мир», обсуждая предложение «Цеха политической критики» о создании независимых ветвей власти, подобных институтам интендантов, трудно предположить, что подобная идея не только возникнет, но, похоже, и осуществляется в современной Украине. До последней революции конца 2013 года реализация такого проекта в мирное время была бы немыслима, но в условиях возникновения военного противостояния и острой необходимости реформирования оборонного сектора она оказалась неожиданно реальной (см.: Ю. Бирюков (<https://www.facebook.com/yuri.biriukov/posts/1544274145841397>)).

²¹ Кстати, именно поэтому крупный бизнес норовит перенести центры получения прибыли за рубеж, где аппетиты тамошних властей более приемлемы.

ситуацию под контролем. Заставить может или авторитарный лидер с помощью контролируемой им действенной правоохранительной системы, или внешнее давление вплоть до явной или неявной оккупации, или и то и другое, как это случилось в Южной Корее. При этом, как оказалось, можно не считаться с народным недовольством и отказаться от умиротворения населения²² с помощью незаработанных льгот и преференций, то есть на языке экономики – трансфертов.

Но весьма проблематично надеяться, что элита, быстро разбогатевшая на не вполне легитимном приобретении собственности и власти, способна сама без мощного внешнего давления изменить правила ведения дел в стране. Таким внешним по отношению к элите воздействием могло быть явное и недвусмысленное недовольство населения. Это могло быть связано с интеграцией в региональные международные экономические союзы и с усилением политического давления со стороны торговых партнеров, заинтересованных в изменениях политической и экономической практики.

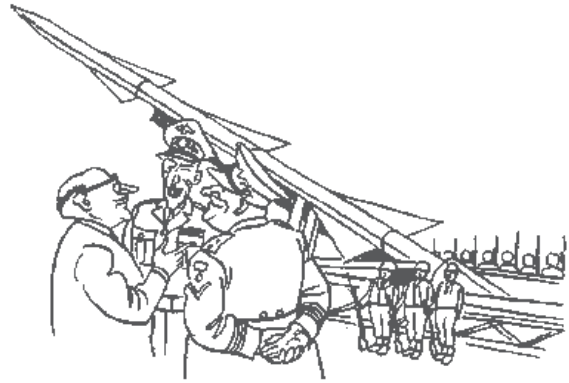
Это внешние рамки условий, но не следует забывать, что для проведения реформ нужны реформаторы, то есть морально опрятные и профессионально подготовленные люди. Причем, как отмечал К. Бандукидзе,

*Нынешнее состояние дел
в мировом хозяйстве,
по крайней мере,
в среднесрочной перспективе
не внушает оптимизма,
налицо системный кризис
доверия не только
портфельно-минотаритарных,
но и крупных стратегических
инвесторов*

первое условие даже важнее, так как обучить способных молодых людей проводить нужные изменения в принципе возможно, привлекая для этого мест-

ных специалистов и квалифицированных экспертов из переболевших реформами регионов.

Бернард Шоу справедливо заметил, что «разумный человек приспосабливается к миру, неразумный пытается приспособить мир к себе. Поэтому прогресс всегда зависит от неразумных». Разумные

люди в основной своей массе доверяют прежнему опыту и не желают создавать себе и окружению проблемы²³. Неразумные всем уговорам не нарушать существующий уклад жизни не доверяют, полагая, что у них получится. Немалую роль в формировании отряда неразумных играют бушующие в их сознании страсти по переменам и – не будем бояться быть откровенными – заметная малоосведомленность. Географически обобщив высказывание М. Жванецкого, можно считать, что революции – это часто «борьба невежества с несправедливостью». Понятно, что в большинстве случаев намерения часто не подкреплены возможностями, вокруг масса желающих воспользоваться возникающей революционной ситуацией для мародерства, потому результаты частенько печальны, подтверждая сомнения людей разумных. Но порой у неразумных получается, ибо бывает, что при первых положительных результатах к отряду пылких, но неискусшенных революционеров присоединяются более разумные их соотечественники. Обычно это происходит после того, как рьяные революционеры преодолевают самую опасную фазу противостояния с защитниками прежнего уклада.

ДОВЕРИЕ И МИР

Недоверчивый рынок. Как бы там ни было, но еще совсем недавно, в конце прошлого столетия, никто не сомневался в существовании доверия ко многим суверенным и международным институтам в мире. В частности, доверяли таким занима-

²² Как показывает исторический опыт в среднесрочной перспективе, такого к себе отношения население никогда реформаторам не прощает.

²³ А может, как предположил Чарльз Буковски, причина в том, что «некоторые люди не умеют сходить с ума – у них ужасно скучные жизни».

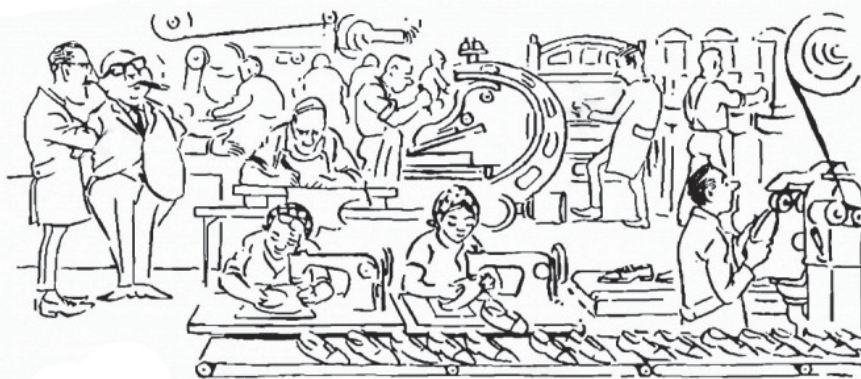
ющим глобальные позиции институтам, как банковская система США, ее ипотечная политика, Европейский центральный банк... Глобальные институты, такие как МВФ и Мировой банк, несомненно влияли на поведение инвесторов, поддерживали страны, которые оказались в кризисе, и помогали развивать их экономику.

состояние дел в мировом хозяйстве, в среднесрочной перспективе не внушает оптимизма, налицо системный кризис доверия не только портфельно-минотаритарных, но и крупных стратегических инвесторов.

В погоне за прибылью стремительно разрастающиеся международные корпорации перенесли производственные и финансовые мощности в развивающийся мир, что привело к усилению прежде маргинальных государств и отчасти постсоциалистических стран с неустоявшейся элитой. Появилось множество новых, богатых в первом поколении семей, не интегрированных прежде в мировую элиту. Способы, с помощью которых они приобрели свои громадные состояния, и скорость возникновения их богатства не оставляли сомнений в том, какими методами и средствами они при этом пользовались. Понятно, что подобную практику новые элиты перенесли и в экономическую,

Иной причиной снижения уровня доверия стала интенсификация экономической жизни и глобализация. В экономической практике при резком расширении рынков сбыта, при значительном увеличении числа клиентов прежние технологии работы с ними, когда тщательно изучались их мотивы и намерения, а также их сложившиеся предпочтения, заменили более прагматичными формальными процедурами, исключая все виды взаимодействий, кроме самих сделок. Лучше всего это просматривалось в банковской сфере, ибо ранее банкир был если не другом семьи, то уж, по крайней мере, доверенным лицом сколько-нибудь серьезного клиента. От таких доверительных отношений стали отказываться врачи, юристы и др. Темп жизни вырос, стало

и в политическую международную деятельность уже в своей новой ипостаси.

Взросшая мощь развивающихся и постсоветских стран, контролируемые авторитарной властью могучие международные корпорации, гигантские состояния олигархов позволяют им проводить в жизнь крайне агрессивную экспансионистскую экономическую практику. Традиционным деловым кругам и политикам Запада пришлось делать выбор — согласиться с достаточно циничными методами ведения дел и сохранить свои позиции или отстраниться от этой негодной практики и уйти в тень. Понятно, что значительная часть прежнего делового и политического истеблишмента приняла-таки новые правила игры. Мировое хозяйство стали сотрясать кризисы, обусловленные бесцеремонностью и цинизмом новых и присоединившихся к ним неожиданно быстро развращенных прежних рыночных игроков и покрывающих их явно и неявно коррумпированных чиновников и политиков. Нынешнее

некогда отвлекаться на личные предпочтения даже важных клиентов, возникали все новые возможности, и появлялись новые клиенты. Патриархальные отношения сохранялись лишь в медвежьих углах, где жизнь продолжала быть размеренной и неспешной. Неудивительно, что и в политической жизни с ее несомненной активизацией в демократических странах, где смена лиц происходила все быстрее, основой выбора решений стали партийные и клановые мотивы и намерения, возобладали прагматизм и так называемый политический реализм. Влияние отдельных людей, облеченных властью, в демократиях стало ослабляться²⁴.

Как в свое время различные экономические ожидания формировали инвестиционную политику, что вызвало дождь Нобелевских премий их исследователям, так и сейчас основной экономической категорией является доверие, а точнее, его антипод — целый набор

²⁴ Однако авторитарные страны, где смена персонажей во власти происходила только в результате переворотов и революций, где в периоды затишья портреты лидеров не меняли, приучили не только все свое население, но порой и мир вникать в психологию и мотивы поведения своих мало предсказуемых правителей.

малоизученных иррациональных рисков. Так что будущим лауреатам высоких премий современная жизнь подкинула весьма разнообразные сюжеты для исследований на эту тему.

О доверительных отношениях между народами. Замечательно, что слово «мир» объединяет такие понятия, как общность людей и состояние этой общности вне войны. И понятие «доверие» здесь совсем не оказывается лишним. Ведь без доверия трудно обеспечить мир, понимаемый как нечто противоположное войне.

Люди склонны доверять лишь тем, кто соглашается с их оценками и живет по их стандартам. Если оценки начинают различаться, если жизненные интересы кардинально меняются, возникает недоверие. Сознательная сторона недоверия обусловлена пониманием того, что надеяться на изменивших свои представления соседей уже нельзя, даже несмотря на их декларации о сотрудничестве. Неосознаваемая, но тем не менее незримо

---

*Даже для близких этнически,
ментально и даже
географически, связанных
общей культурой народов
политическая интеграция
может и не состояться,
если цели и представления
элит не совпадают*

присутствующая часть недоверия основана на ощущении, что соседи — это просто чужие люди, равнодушные к вашим ценностям и приоритетам.

Для снижения уровня недоверия рекомендуют развивать торговые отношения, туризм, устанавливать культурные контакты с соседними народами. Но практика показывает, что этого не достаточно, приобретение импортных товаров вызывает

противоречивые чувства: это и раздражение из-за отсутствия подобных местных товаров, досада, что приходится поддерживать чужих производителей продукции и нет возможности развивать собственное производство, так как полки товаров уже заполнены. И вряд ли это улучшит отношение у людей к иностранцам, удачно захватившим торговые ниши в собственном отечестве. Туризм очень часто, кроме удовлетворения любопытства и пребывания в комфортных условиях, расстраивает людей, понимающих, что у себя на родине многого из увиденного пока нет и непонятно когда будет²⁵. А культурные контакты среди недостаточно образованных, не знакомых с языком и культурой страны пребывания граждан и вовсе вызывают неприятие: не так говорят, не так поют, не так танцуют, шутки у них странные и пр.

Пример интеграции в единое культурное и экономическое пространство продемонстрировала Единая Европа. Если присмотреться к европейскому интеграционному процессу, то можно увидеть, что все эти нации характеризует прежде всего случившееся далеко не сразу интенсивное переплетение родственных связей, мощная трудовая миграция, межгосударственные крупные бизнесы, предприятия которых расположены в разных странах, и, конечно, многоязычие как способность реального освоения культуры разных национальностей²⁶. И лишь в последнюю очередь туризм, который носит чаще всего прагматический развлекательный характер.

Хотя и этого было недостаточно, поскольку данные процессы проходили и в прежние времена, что не помешало возникновению двух кровопролитных мировых войн. Для обеспечения интеграции народов Европы потребовался консенсус весьма амбициозных политических и экономических элит в понимании необходимости создания единого пространства для эффективной конкуренции с сильной экономикой (то есть дружить против) североамериканцев и формирования мощного центра влияния (исторически обусловленная тяга к доминированию и сопровождающим это доминирование преимуществам) мировой политики. Другими словами, используя уже сложившиеся условия для культурной и экономической интеграции, Европа была вынуждена в целях усиления своей конкурентоспособности и увеличения своего веса в мировом пространстве пойти по пути политического объединения. Так что обеспечение доверия требует обозримых временных периодов плотного экономического взаимодействия, преодоления языковых и этических барьеров для куль-

²⁵ Достаточно посмотреть на угрюмые лица наших соотечественников (особенно старшего возраста, впервые попавших в страны Запада) на присланных ими оттуда фотографиях.

²⁶ Этого всего в нужной степени были лишены европейские страны, оказавшиеся на периферии, что наложило отпечаток на их историческое развитие.

турного сближения. Затем лишь можно искать решения на пути политической интеграции на базе общих целей и задач.

Существует несколько подходов к проблеме сосуществования демократий с пораженными авторитаризмом общинами и нациями. Можно отгородиться от них различными барьерами и предоставить им жить по своим правилам, не вмешиваясь в их внутренние дела²⁷. Гуманные противники подобного подхода утверждают, что при таких условиях часть людей в соседних странах и регионах будет лишена возможности жить цивилизованной жизнью и нужно бороться за права этих людей. Им вторят более прагматичные представители демократий, которые опасаются агрессивных и недружественных акций со стороны такого соседства и желали бы воздействовать на соседний недемократический режим для его большей демократизации. И предсказуемости. Именно недоверие к мало предсказуемым соседям внушает демократиям серьезные и обоснованные опасения. Заметим, что и авторитарные, и недемократические страны также настороженно относятся к своим соседям-демократиям. Элита недемократических стран опасается, что некоторые их действия внутри и вне своих границ могут вызвать резкую реакцию соседей.

Однако даже для близких этнически, ментально и даже географически, связанных общей культурой народов политическая интеграция может и не состояться, если цели и представления элит не совпадают. Нации в составе государств чрезвычайно ревниво относятся к инициативам соседних народов, прежде близких этнически и ментально, сменить направление своего развития. И дело даже не в том, что эти инициативы соседей обижают своим выбором, грозят потерей союзников. Пример соседнего народа может спустя некоторое время оказаться привлекательным для обитателей, для собственного населения, которому его элита определила совсем иную роль. И тогда вся мощь государственной машины обрушивается на «предателей» как вне, так и внутри государства.

Увы, многие человеческие проблемы возникли и существуют из-за недоверия людей, общин, этносов и народов. Природа этого недоверия — часто в изощренном обмане, построенном на недосказанности, сокрытии информации, непрозрачности решений. И на ошеломляющем в своем цинизме несоответствии реальной действительности с декларируемыми наме-

рениями и обещаниями. Пока люди еще не научились подавлять хищнические инстинкты, доставшиеся нам от дикой природы. Раньше эти инстинкты доминировали в условиях недостатка воды, пищи, вещей и жизненного пространства. Постепенно человечество научилось решать эти проблемы, но возникли новые антагонистические интересы уже в созданном алчными людьми потребительском мире. Несмотря на увещания мудрых людей, на призывы признанных авторитетов разных конфессий, несмотря на свидетельства немногих неис-

каженных страниц истории, человечество пока далеко от своего совершенства, основой которого станет доверие.

Потому так важно обнаруживать причины возникающего недоверия, стараться возродить понимание и терпимость к окружению. Но еще большее значение имеет выявление людей и организаций, которые своей целью поставили провоцирование недоверия как основы для проведения ими негодной конкуренции, агрессивной политики и откровенно преступной деятельности, а также стремление обезопасить общество от их влияния. Для сохранения своего здоровья общество должно бороться с этой социальной инфекцией — недоверием, убирая его причины, ослабляя токсичность и аллергические реакции у вольно или невольно зараженных недоверием людей, пропагандируя здоровый образ социальной жизни на основе взаимного доверия.

*В качестве иллюстраций использованы работы
Х. Бидструпа*

²⁷ Подобная идеология кажется заимствованной у общества защиты дикой природы, которое старается сохранить все виды живого и для лучшей сохранности требует создания заповедников, где жизнь надо максимально приближать к т. н. естественным условиям и вмешательство человека должно быть сведено к минимуму. Позволительно лишь ненавязчиво подкармливать и подлечивать обитателей этих заповедников.